

ПЕРОМ ОСТРЫМ И МЕТКИМ

К 70-летию Ф. Макивчука

Федор Макивчук — известный украинский писатель-сатирик, главный редактор журнала «Перець». Его перу принадлежит большое количество сатирических и юмористических произведений, полюбившихся широкому читателю. Большим успехом пользуется его «Репортаж с того света» — острый, умный памфлет, разоблачающий нравы капиталистического общества.

Произведения Федора Макивчука неоднократно издавались на языках братских народов СССР и за рубежом. Живой отклик у читателя находят книги писателя «И смех, и грех», «О добром и злом», «Замужем и дома», «Винегрет с перцем», «Анфас и в профиль», «Двойная уха» и др.

Не менее яркой представляется и тридцатилетняя деятельность Федора Юрьевича на посту главного редактора популярнейшего в республике журнала «Перець».

Ф. Ю. Макивчук тесно связан и с Львовом. В 1939 году он с группой журналистов был направлен сюда для помощи в организации

работы первых советских газет, был ответственным секретарем редакции газеты «Вільна Україна», а с 1940 года — первым редактором газеты «Ленінська молодь».

Писательская и журналистская деятельность Ф. Макивчука отмечена высокими наградами. Он лауреат литературной премии Союза журналистов СССР и республиканской премии им. Ярослава Галана. В свое время Остап Вишня писал Федору Юрьевичу: «Вам судьба дала руководить смехом. Вы честно взяли в свои золотые руки это руководство. Я говорю честно: Вы возвеличили наш смех! Прошу Вас, не надейтесь на нас, подбирайте кадры, учите их, развивайте их! Выискивайте их! И благословенно будет Ваше имя».

Писатель-коммунист Федор Макивчук свято исполняет эту заповедь своего учителя, великого украинского смехотворца.

9 сентября Федору Юрьевичу исполняется 70 лет. Редакция газеты «Львовская правда» поздравляет юбиляра, желает ему новых успехов на сатирической ниве.

В СУМАТОШНОМ Нью-Йорке — городе гигантских газет, трущоб и небоскребов — издается на американские средства такая себе вшивенная газетенка, которая называется «Новым русским словом».

Эта плюгавенькая белоэмигрантская газетка по своему объему в сто раз меньше таких ядовитых печатных колоссов, как «Нью-Йорк таймс» или, скажем, «Нью-Йорк геральд трибюн», но в соревновании «кто лучше сбросит» белоэмигрантская вшивенная рептилька старается не отставать от своих толстых американских сестер. Скажу больше — в распространении низкопробных антисоветских слептен она часто переплывает даже самых лживых заокеанских борзописцев.

Разбойники пера из многих нью-йоркских газет иногда и затылки чешут от профессиональной зависти.

— Где этот жалкий листок, черт возьми, такие фитили добывает? — удивляются разбойники пера. — Корреспондентов своих за границей не имеет, радиостанции своей не имеет, связей международных никаких, а как врежет, так голова кругом идет.

Чего нет, того нет, а что есть, то есть. Не знают американские разбойники пера, что газетка «Новое русское слово» имеет свое собственное информационное агентство — старую-престарую рябую кобылу, которая с успехом заменяет и корреспондентскую сеть, и телеграф, и телефон, и радиосвязь.

Лет сорок назад эта кобыла была еще белой и ретивой и должна была выполнить самую важную историческую роль: верхом на ней собирался въехать в Москву главнокомандующий освободительного белого войска «Когда Советы упадут».

Время шло, а Советы не падали. Скончался от отчаяния «главнокомандующий» белого

вылазно дежурит один из ведущих репортеров «Нового русского слова» А. Некрасов, который досконально овладел кобыльим языком и мастерски перелицовывает его на язык своей газеты.

Дернет рябую за облезлый обрубок-хвост, разбудит от глубокой дремы и допытывается:

— Ну-ка, поведаете, ува-

и следом за ними поковыляла. Кости скрипят, суставы болят, а я сцепила свои беззубые челюсти — и следом за посылками, и следом за посылками. Ковыляю, ковыляю и вижу — Советский Союз. Присматриваюсь — йо-го-го, нет ни одного там села и города, где бы не получали посылки от родственников из Америки. Пусть меня волки

кого поймают — расстреливают на месте. Бах! — и нет, бах! — и нет. А отобранные вещи конфискуют, за что сотрудники милиции получают квартальные вознаграждения, а добровольные сексоты — 10—15 процентов от общей суммы конфискованных вещей.

Особенно гоняются чины милиции и уголовного розыска за шкурками хрома и шавро, так как эти товары конфискуются в пользу милиции и распределяются между лицами командного состава.

Не приведи господи, что там делается! Уж-ж-жас! В городских Советах напранимали специальных постановлений о борьбе с лицами, получающими посылки из Америки. За их квартирами денно и ночью следят дворники, почтальоны, комсомольцы, прорабы. Наименьшая неосторожность влечет за собой немедленную репрессию. Уж-ж-жас!

Я, было, совсем перепугалась, а тут вы, спасибо вам, за обрубок меня — дерг! Я и проснулась.

Сон рябой кобылы А. Некрасов опубликовал в «Новом русском слове» под заголовком «Посылки на родину» и побежал в православную нью-йоркскую церковь вымаливать многие лета рябой кобыле.

А что вы думаете? Сдохнет рябая кобыла — подохнет и «Новое русское слово», а вместе с ним протянет ноги и репортер Некрасов. Потому как, где же он тогда на кусок хлеба зарабатывает?

Федор МАКИВЧУК СОН РЯБОЙ КОБЫЛЫ

войска Христова, а белая кобыла состарилась преждевременно от чужеземной малокалорийной сечки, покрылась грязью и от этого стала рябой, как сорока.

Несчастной была уготована дорога в адские котлы мыловарни, но редакторы «Нового русского слова» купили рябую за полдоллара.

— Она еще нам пригодится, — сказали. — Мы еще на ней поедим.

И представьте себе, что старая-престарая кобыла действительно пригодилась «Новому русскому слову». Стоит она теперь в сыром, полутемном стойле трушобного нью-йоркского Даун-Тауна, жует беззубым ртом протухшую соломённую сечку и двадцать часов в сутки спит. Спит и видит причудливые сны.

Возле старой кобылы без-

жаемая леди, что вам там приснилось?

Рябая рассказывает, а Некрасов записывает ее сновидения и публикует на страницах «Нового русского слова».

Недавно рябая кобыла поведала А. Некрасову такую странную историю.

— Задремала я, — говорит, — стоя, потому что мои старческие бока пролежнями покрылись, — и вижу: валом что-то валит из Америки за океан. Что же это, думаю, такое? В ящиках в мешках, в чемоданах и так, кусками. Присмотрелась, а это посылки. А в тех посылках идет все: патефонные иглы, мыло, костюмы, ковры, сахар, сигареты, лекарства, жевательная резинка. Эге, думаю, дай-ка я прослежу, куда это валит бесконечным валом посылки. Размала я свои старческие ноги

сediaт, если брешу. А в таких больших городах, как Киев, Минск, Тбилиси, Ленинград, Москва, Харьков, Одесса, Янушполь и Гайсин, на главпочтамтах существуют даже специальные окна, где выдаются американские посылки. А в часы выдачи этих посылок возле контрольно-пропускных окон собираются толпы ротозеев, которые с интересом рассматривают американские штампы, адреса и роскошную упаковку. Появились даже нелегальные частники, которые тут же, на почте, предлагают за каждую посылку по 3—4 тысячи рублей. Раскупают, даже дерутся, и все языками прищелкивают, и все приговаривают:

— Вот это иголки! Вот это сахаринки! Вот это вещь! Но милиция внимательно следит за утечкой американских вещей на толкучку. Если